

УДК 140.8

НИЦШЕВСКОЕ УЧЕНИЕ О СВЕРХЧЕЛОВЕКЕ В ДИСКУРСЕ ЛИЧНОСТНОГО ЭТОСА

В.В. Буланов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет», г. Тверь

Автор статьи исследует соотношение инфантильности, человеческого достоинства и ницшевского учения о сверхчеловеке в дискурсе этоса. Он приходит к выводу, что вовлеченность в этос предполагает концепцию человеческого достоинства, которое несовместимо с крайней инфантильностью и с восприятием ницшевского сверхчеловека как идеала.

Ключевые слова: достоинство, инфантильность, сверхчеловек, этос.

Преодоление инфантильности является одной из наиболее злободневных проблем современности. Несложно встретить человека, который проявляет малодушие, безответственность, не имеет собственного мнения или не может его отстаивать в дискуссии. Он, по наблюдению Фридриха Ницше, не «имеет право сбросить ярмо с себя», обрести независимость. И это потому, что такой человек не знает, он «свободный для чего» и не способен «дать себе своё добро и своё зло», т. е. не является полноценной личностью. Он не может «сам навесить на себя свою волю как закон», и это свидетельствует о его слабоволии. Ему не по силам «быть своим судьёй и мстителем своего закона» [2, с. 54], что свидетельствует о его недостаточной способности к несению ответственности за свои поступки. Инфантильному человеку, как человеку личностно недооформленному, слабовольному и склонному уклоняться от ответственности за свои поступки, Ницше противопоставляет образ грядущего сверхчеловека как максимальную концентрацию всего, что есть в человеке самого высокого, сильного и глубокого [2, с. 264–265].

Что же Ницше понимал под самым высоким, сильным и глубоким в человеке? Это самое высокое возвышает над личностной усреднённой «маленьких людей», считающих всех вокруг тебя качественно равными, призывающих к «маленькому благоразумию» самосохранения, ориентирующихся на «маленькие добродетели» гедонизма [2, с. 258–259]. Это самое сильное позволяет преодолеть все рабское, присущее «маленьким людям», то есть, по сути, их слабоволие [2, с. 259]. Это самое глубокое призывает страдать не от своих проблем и невзгод, как бывает у поверхностных и эгоцентричных «маленьких людей», а от несовершенства всего человечества, чувствуя ответственность за то, что человечество сих пор не создало сверхчеловека – не реализовало своё предназначение на земле [2, с. 8, 259, 265].

Итак, предельно инфантильный человек – безличен, безволен и безответственен, а его идеальный антипод – ницшевский сверхчеловек –

воплощение личностной неординарности, воли и ответственности. Вместе эти три человеческих качества являются собой, как видится, три измерения достоинства. Представление о достоинстве личности может иметь лишь представитель «избранного меньшинства», человек, стремящийся самостоятельно выбирать свои предпочтения, ценности и цели, не желающий быть как все [3, с. 76–77]. Отстаивать достоинство личности способен только волевой человек, т. е. человек, решившийся на риск и дискомфорт пребывания в пограничной ситуации во имя честности по отношению к самому себе [5, с. 378–379]. Доказывать наличие у себя достоинства – прерогатива ответственного человека, иными словами, человека, воспринимающего себя как свой проект, успех или неудача которого зависят лишь от него самого, и помнящего о том, что реализация этого проекта влияет на других людей [4, с. 439]. В связи с этим можно утверждать, что предельно инфантильный человек вообще не имеет достоинства, а ницшеанский сверхчеловек – идеал достоинства.

Вместе с тем нельзя не признать, что сверхчеловек в понимании Ницше не совместим с этосом. Этос, по справедливому определению В.В. Ильина, является полем эталонов и средств регуляции и инспирации групповой жизни на основе силовых механизмов и волевых решений, которые вытекают из чьих-либо интересов, проводят и отстаивают их, и потому ницшевский идеал сверхчеловека как максимальной концентрации человеческого достоинства ему чужд. Для этоса характерна опора на интересубъективность людей, тогда как становление сверхчеловеком, по Ницше, предполагает доведение личностной самобытности до предельного уровня – уровня добровольного одиночества критика, разрушителя и творца ценностей морали и религии [2, с. 17–18]. Этос неотъемлем от направленности волевых импульсов человека на защиту интересов группы, тогда как воля потенциального сверхчеловека должна быть нацелена исключительно на личностное преобразование, этим Ницше обосновывает свой призыв к отказу от деяний ради «ближнего» [2, с. 53, 262–263]. Сущность этоса предполагает ответственность человека перед совокупностью эталонов регуляции и инспирации групповой жизни, тогда как потенциальный сверхчеловек не признает эту ответственность, презирает большинство своих современников, считает своим долгом приблизить момент появления сообщества существ, качественно более совершенных, чем люди [2, с. 258–259]. В ницшевском сверхчеловеке уровень достоинства столь высок, что он делает его асоциальным, а потому чуждым этосу.

Антипод ницшевского сверхчеловека – предельно инфантильный мужчина – также чужд этосу, хотя и по другим причинам. Личностная ущербность предельно инфантильного человека (его распространённый тип Оргета-и-Гассет называл массовым человеком) проявляется в его нежелании чем-либо качественно отличаться от других людей и тем более прилагать для этого какие-либо усилия [3, с. 78-81, 84]. Это препятствует его самостоятельному участию в проведении и защите каких-либо групповых интересов,

т. е. вовлеченности в поле этоса. Так как для предельно инфантильного мужчины характерна слабая воля, он будет, как «последний человек» Ницше, избегать всех видов деятельности, сопряженных с хлопотами [2, с. 12]. Предельно инфантильный человек безответственен и потому непригоден для проведения и защиты интересов группы. Если развивать мысль Сартра, именно инфантильность побуждает человека в ситуации экзистенциального выбора предпочитать неподлинное существование, т. е., отвергая некомфортную честность, лгать самому себе и другим людям [4, с. 439–440]. Отсутствие достоинства препятствует включению крайне инфантильного человека в социум и потому его вовлеченности в этос.

Таким образом, причастность отдельного человека этосу предполагает его равноудалённость и от отсутствия достоинства у очень инфантильного человека, и от предельно высокого уровня достоинства у ницшевского сверхчеловека. В связи с этим можно констатировать существование двух уровней достоинства, минимально и максимально возможного для человека, который вовлечён в этос.

Каковы же уровни? На данный вопрос должен ответить этос, если в его состав будет введен образ сверхчеловека как идеал человеческого достоинства. Следует начинать с выявления трёх видов ценностных оснований ницшевского образа сверхчеловека.

В первую из этих групп входят утверждения, по которым сверхчеловек – это смысл земли и потому наивысшая ценность, а просто человек достоин лишь презрения, что человек ценен лишь как ступень эволюции между обезьяной и сверхчеловеком, а также что потенциальному сверхчеловеку нужно выйти по ту сторону культуры и государства [2, с. 8–10, 43, 107–108]. Все эти утверждения противопоставляют человеческому существованию как несовершенной действительности грядущий и желанный образ совершенства – сверхчеловека. Ориентация на такие ценностные установки лишает важности социокультурное содержание этоса, препятствует вовлеченности человека в этос. К тому же без воздействия процессов социализации и инкультурации (а они взаимосвязаны с этосом) человек быстро начнёт возвращаться к изначально животному существованию, а не удаляться от него, как мечтал Ницше. Так что этот вид ценностных оснований ницшевского образа сверхчеловека не может быть совместим с этосом, на него нельзя ориентироваться.

Ценностные основания ницшевского образа сверхчеловека, которые связаны с культом аристократизма, составляют второй вид. В них протест против рабского мироощущения «маленьких людей», нацеленного на индивидуальное комфортное самосохранение [2, с. 259]. Таково неприятие эгалитаризма «маленьких людей» и в связи с этим отвержение христианства как религии рабов Божьих, противопоставление этики сверхчеловека этике Христа, как ориентированной на «маленьких людей» [2, с. 258, 260]. Сюда же можно отнести призыв к личностному самосовершенствованию как к наиболее достойной жизненной стратегии «высшего человека» [2,

с. 264]. И требование стать себе законодателем и судьей, так как лишь при его выполнении человек обретает способность реализовывать свою свободу во имя чего-то и тем самым заслуживает право на уважение [2, с. 54]. Все эти ценностные основания побуждают избавляться от инфантильности, мотивируя человека возможным переходом в качественно высшее состояние, но при этом не противореча самой сущности этоса. Однако здесь нужно помнить о необходимости следования в своем поведении кантовскому категорическому императиву: субъективно значимое стремление твоей личности допустимо, если оно может стать принципом мирового законодательства [1, с. 701]. Эта оговорка ограничивает личностное тяготение к аристократизму необходимостью учёта интересов других людей как равноценных с твоими интересами, и потому при её учёте поведение человека, увлечённого философией Ницше, не будет вступать в противоречие с требованиями этоса, в частности этоса светского и демократического общества. Её игнорирование неизбежно приведёт к печальному опыту Третьего Рейха, в котором последователи ницшевского аристократизма по своему произволу обрекали миллионы ни в чем неповинных людей на мучения и смерть. Эту оговорку можно считать максимально допустимым уровнем достоинства, совместимым с этосом.

Для третьего вида ценностных оснований, связанных с образом сверхчеловека, свойственно восприятие сверхчеловека как оправдания самой жизни (или, словами Ницше, смысла земли), а жизни – как противоречивого, но при этом цельного процесса [2, с. 100–102]. Для всего живого (а сверхчеловека – в наивысшей степени), по Ницше, характерно и стремление к господству, и готовность к подчинению, и согласие на риск [2, с. 101]. Человек, увлеченный идеалом сверхчеловека как предельно возможного воплощения достоинства, должен воспитать в себе способность – для начала – и принимать свои решения, и подчиняться чужим решениям, и брать на себя ответственность в ситуации риска. Только при выполнении этих условий мужчина уже может считать себя избавившимся от крайней инфантильности. Тем самым он обретает способность стать для себя самого законодателем и судьей и потому заслужившим право на свободу для чего-то, а значит, на чувство собственного достоинства. Так как вовлеченность человека в этос предполагает его избавление от крайней инфантильности, приятие им третьего вида ценностных оснований образа ницшевского сверхчеловека свидетельствует о наличии у него минимально допустимого уровня достоинства, совместимого с этосом.

Итак, в дискурсе личностного этоса выявляется взаимосвязь между проблемой преодоления инфантильности и проблемой формулирования взвешенного отношения к ницшевскому учению о сверхчеловеке. Крайне выраженная инфантильность свидетельствует об отсутствии у человека достоинства и несовместима с вовлечённостью в этос, и тем более с ориентацией на идеал ницшевского сверхчеловека. Чело-

век, всецело ориентирующийся на ницшевское учение о сверхчеловеке, имеет крайне высокий уровень достоинства, препятствующий вовлеченности в этос и несовместимый с какими-либо проявлениями инфантильности. Соответственно, человек, вовлеченный в этос, но чуждый инфантильности, приемлет ницшевский образ сверхчеловека, но лишь частично. В этом образе для него допустимо всё, что не противоречит категорическому императиву И. Канта.

Список литературы

1. Кант И. Критика практического разума. М.; СПб.: Мысль, 2007. С. 677–808.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого // Ницше Ф. Так говорил Заратустра; К генеалогии морали; Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм: Сборник. Минск: Попурри, 2001. С. 3–297.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Избр. тр. М.: ИНФРА-М; Весь Мир, 2000. С. 43–163.
4. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сартр Ж.-П. Тошнота: Избр. произведения. М.: Прогресс, 1994. С. 435–469.
5. Ясперс К. Духовная ситуация нашего времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. С. 288–418.

NIETZSCHE'S SUPERMAN DOCTRINE IN THE DISCOURSE OF PERSONAL ETHOS

V.V. Bulanov

Tver State Medical University, Tver

The article is focused on the correlation between infantilism, human dignity, and Nietzsche's superman doctrine in the personal ethos discourse. In the course of this problem analysis, the author comes to the conclusion that the engagement in personal ethos problem should produce the understanding of human dignity which is not compatible with extreme infantilism, as well as with the recognition of Nietzsche's superman as an ideal.

Keywords: *dignity, ethos, infantilism, superman.*

Об авторе:

БУЛАНОВ Владимир Владимирович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры философии и психологии с курсами биоэтики и истории Отечества ФГБОУ ВО «Тверской государственный медицинский университет». E-mail: althotas3111978@mail.ru

Author information:

BULANOV Vladimir Vladimirovich – PhD, Assoc. Prof. of the Dept. of Philosophy and Psychology with courses of Bioethics and History of Russia, Tver State Medical University, Tver. E-mail: althotas3111978@mail.ru